

Джеральд Даррелл

МОЯ
СЕМЬЯ
и
ДРУГИЕ
ЗВЕРИ

Большой роман

Джеральд Даррелл

Моя семья и другие звери

«Азбука-Аттикус»

1956

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Даррелл Д.

Моя семья и другие звери / Д. Даррелл — «Азбука-Аттикус»,
1956 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-14546-7

«Моя семья и другие звери» – это «книга, завораживающая в буквальном смысле слова» (Sunday Times) и «самая восхитительная идиллия, какую только можно вообразить» (The New Yorker). С неизменной любовью, безупречной точностью и неподражаемым юмором Даррелл рассказывает о пятилетнем пребывании своей семьи (в том числе старшего брата Ларри, то есть Лоуренса Даррелла – будущего автора знаменитого «Александрийского квартета») на греческом острове Корфу. И сам этот роман, и его продолжения разошлись по миру многомиллионными тиражами, стали настольными книгами уже у нескольких поколений читателей, а в Англии даже вошли в школьную программу. «Трилогия о Корфу» трижды переносилась на телеэкран, причем последний раз – в 2016 году, когда британская компания ITV выпустила первый сезон сериала «Дарреллы», одним из постановщиков которого выступил Эдвард Холл («Аббатство Даунтон», «Мисс Марпл Агаты Кристи»). Роман публикуется в новом (и впервые – в полном) переводе, выполненном Сергеем Таском, чьи переводы Тома Вулфа и Джона Ле Карре, Стивена Кинга и Пола Остера, Иэна Макьюэна, Ричарда Йейтса и Фрэнсиса Скотта Фицджеральда уже стали классическими.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-14546-7

© Даррелл Д., 1956
© Азбука-Аттикус, 1956

Содержание

Речь защитника	7
Часть первая	9
Миграция	10
1	13
2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Джеральд Даррелл

Моя семья и другие звери

Gerald Durrell

MY FAMILY AND OTHER ANIMALS

Copyright © Gerald Durrell, 1956

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency.

Серия «Большой роман»

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© С. Таск, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство Иностранка®

* * *

Посвящается моей матери

Но у меня моя собственная меланхолия, составленная из многих элементов, извлекаемая из многих предметов, а в сущности – результат размышлений, вынесенных из моих странствий, погружаясь в которые я испытываю самую гумористическую грусть.

Уильям Шекспир. Как вам это понравится
(Перевод Т. Щепкиной-Куперник)

Речь защитника

В иные дни я успевала поверить в десяток невозможностей до завтрака!

Белая королева в «Алисе в Стране чудес»

(Перевод Н. Демуровой)

Это рассказ о пятилетнем пребывании всей моей семьи на греческом острове Корфу. Он задумывался как описание местной природы, с ностальгическими нотками, но я совершил большую ошибку, представив моих близких на первых же страницах. Закрепившись на бумаге, они принялись захватывать пространство и приглашать самых разных друзей, чтобы разделить с ними главы этой книги. Лишь с огромным трудом и всяческими ухищрениями мне удалось сохранить отдельные страницы, посвященные исключительно животным.

Я постарался нарисовать точный, без преувеличений, портрет моей семьи; они выглядят такими, какими я их видел. Вместе с тем, чтобы объяснить их несколько эксцентричное поведение, думается, надо уточнить, что в те дни пребывания на Корфу все были еще достаточно молоды: старшему, Ларри, было двадцать три, Лесли – девятнадцать, Марго – восемнадцать, я же, самый младший, был впечатлительным десятилетним юнцом. О возрасте нашей матери нам было трудно судить по той простой причине, что она никогда толком не помнила даты своего рождения; поэтому скажу просто: она была матерью четырех детей. А еще она настаивает, чтобы я непременно уточнил: она вдова, – поскольку, как она весьма проницательно заметила, мало ли о чем люди могут подумать.

Чтобы растянувшиеся на пять лет события, наблюдения и просто приятное времяпрепровождение спрессовать до объема поскромнее, чем «Британская энциклопедия», мне пришлось сокращать, упрощать и перемещать материал, в результате чего от первоначальной последовательности событий мало что осталось. А еще я был вынужден вывести за скобки кучу эпизодов и персонажей, которых с удовольствием бы описал.

Сомневаюсь, что эта книга была бы завершена без помощи и горячей поддержки следующих людей. Упомяну же я об этом для того, чтобы было на кого переложить вину. Итак, моя благодарность:

Доктору Теодору Стефанидису. С характерным великодушием он позволил мне использовать наброски для своей неопубликованной работы, посвященной Корфу, и подкидывал мне убойные каламбуры, часть из которых я пустил в ход.

Моим домашним, которые, сами того не желая, поставляли мне необходимый материал и оказывали неоценимую помощь при написании книги тем, что всё яростно оспаривали, почти никогда не соглашаясь с тем или иным фактом, насчет которых я с ними советовался.

Моей жене, радовавшей меня гомерическим хохотом во время чтения рукописи, после чего следовало признание, что это ее так забавляли мои орфографические ошибки.

Моей секретарше Софи, ответственной за вставленные запятые и безжалостно удаляемые расщепленные инфинитивы.

Я хотел бы выразить особое признание моей матери, которой посвящена эта книга. Подобно доброму, энергичному, чуткому Ною, она провела свой ковчег с чудаковатым потомством по бурным житейским волнам, проявив величайшую сноровку и постоянно сталкиваясь с возможным бунтом на корабле, то и дело рискуя сесть на мель перерасходов и излишеств, без всякой уверенности, что ее навигационные способности будут одобрены командой, зато прекрасно понимая, что все шишки свалятся на нее, если что-то пойдет не так. То, что она выдержала это испытание, можно считать чудом, а она его выдержала и, больше того, сумела при этом сохранить рассудок. Как справедливо говорит мой брат Ларри, мы можем гордиться тем,

как мы воспитали нашу мать; она делает нам честь. Она обрела состояние счастливой нирваны, когда уже ничто не может повергнуть в шок или удивить, что доказывает хотя бы недавний пример: на выходные, когда она была одна в доме, неожиданно доставили сразу несколько клеток с двумя пеликанами, ярко-красным ибисом, грифом-стервятником и восемью обезьянами. При виде такого контингента более слабый смертный, скорее всего, дрогнул бы, но только не моя мать. В понедельник утром я нашел ее в гараже, где за ней гонялся разгневанный пеликан, которого она пыталась накормить консервированными сардинами.

– Дорогой, как хорошо, что ты пришел. – Она уже задыхалась. – Этот пеликан как-то не очень охотно идет на общение.

На мой вопрос, почему она решила, что это *мои* подопечные, последовал ответ:

– Дорогой, кто ж еще мог прислать мне пеликанов?

Это показывает, насколько хорошо она знала по крайней мере одного члена семьи.

Напоследок хочу подчеркнуть, что все анекдоты об острове и островитянах не вымышленные. Жизнь на Корфу чем-то похожа на яркую комическую оперу. Атмосферу и очарование этого места, мне кажется, довольно точно отражала наша карта, выпущенная британским Адмиралтейством; на ней были показаны в деталях остров и соседние береговые линии. А ниже, в рамочке, примечание:

Поскольку буйки, которыми отмечено мелководье, часто оказываются не на своих местах, морякам, заходящим в эти воды, следует проявлять бдительность.

Часть первая

*Быть сумасшедшим – в этом есть услада,
Что ведома одним лишь сумасшедшим.
Джон Драйден. Испанский монах. II, 2*

Миграция

Колючий ветер задул июль, как жалкую свечу, и пригнал свинцовое августовское небо. Зарядила игольчатая жалящая морось, которая при порывах ветра гуляла туда-сюда матово-серой простыней. На побережье Борнмута пляжные кабинки обращали свои бесстрастные деревянные лица к серо-зеленому, пенно-гребешковому морю, жадно накатывавшему на бетонный мол. Чайки обрушились на город и на своих напрягшихся крыльях носились над крышами домов с жалобными стонами. Эта погодка станет испытанием для кого угодно.

В подобный день моя семья в целом производила не слишком благоприятное впечатление, поскольку такая погода приносила с собой обычный набор болезней, которым все мы были подвержены. После того как я, лежа на полу, наклеивал метки на коллекцию ракушек, я подхватил простуду, мгновенно забившую, словно цементом, всю носовую полость, так что приходилось с хрипом дышать открытым ртом. Мой брат Лесли, съездившийся жалкой тенью у горящего камина, страдал воспалением среднего уха, и из ушей у него постоянно сочилась какая-то жидкость. У моей сестры Марго повысыпали новые прыщи на лице, которое и без того напоминало красную вуалетку. У матери разыгрался сильный насморк и приступ ревматизма в придачу. И только мой старший брат Ларри был как огурчик, если не считать того, что его раздражали наши недомогания.

С него-то все и началось. Остальные были слишком вялые, чтобы размышлять еще о чем-то, кроме своих болезней; Ларри же был задуман самим Провидением как такой мини-фейерверк, взрывающийся идеями в чужих головах, после чего он по-кошачьи тихо сворачивался и не брал на себя никакой ответственности за последствия. К вечеру его раздражительность достигла пика. В какой-то момент, задумчиво обведя взглядом комнату, он избрал мать как главную виновницу всех несчастий.

– Почему мы терпим этот мерзкий климат? – неожиданно спросил он и показал на окно, искривленное потоками дождя. – Только посмотри! А еще лучше, посмотри на нас... Марго похожа на тарелку с багровой овсянкой... Лесли слоняется с торчащими из ушей ватными тампонами, как две антенны... Джерри дышит так, словно родился с волчьей пастью... А ты? С каждым днем выглядишь все дряхлее и подавленнее.

Мать оторвалась от фолианта, озаглавленного «Простые рецепты из Раджпутаны».

– Ничего подобного! – возмутилась она.

– Да, – настаивал на своем Ларри. – Ты начинаешь походить на ирландскую прачку... а твои домочадцы могли бы послужить иллюстрациями для медицинской энциклопедии.

Не придумав хлесткого ответа, мама довольствовалась свирепым взглядом, прежде чем снова уткнуться в книгу.

– Нам нужно солнце, – продолжал Ларри. – Лес, ты со мной согласен? Лес?... Лес... Лес! Лесли вытащил из уха здоровый пучок ваты.

– Что ты сказал? – спросил он.

– Ты видишь! – Ларри победоносно развернулся к матери. – Разговор с ним превратился в стратегическую операцию. Я спрашиваю тебя, как с этим можно жить? Один не слышит, что ему говорят, а слова другого невозможно разобрать. Пора уже что-то сделать. Я не могу сочинять бессмертную прозу в атмосфере мрака и эвкалипта.

– Да, дорогой, – отозвалась мать туманно.

– Нам всем требуется солнце. – Ларри снова решительно зашагал по комнате. – Нам нужна страна, где мы можем *расти*.

– Да, дорогой, это было бы хорошо, – согласилась мать, слушая его вполуха.

– Сегодня утром я получил письмо от Джорджа. Он очень хвалит Корфу. Почему бы нам не упаковать чемоданы и не отправиться в Грецию?

– Очень хорошо, дорогой. Если тебе так хочется, – опрометчиво сказала мать. Обычно с Ларри она держалась начеку, чтобы ее потом не поймали на слове.

– Когда? – тут же уточнил он, несколько удивленный такой отзывчивостью.

Поняв, что совершила тактическую ошибку, мать аккуратно положила «Простые рецепты из Раджпутаны».

– Мне кажется, было бы разумно, дорогой, если бы ты поехал сам и подготовил почву, – нашлась она с ответом. – Потом ты мне напишешь, что все устроено, и тогда уже мы все сможем приехать.

Ларри смерил ее уничтожающим взглядом.

– То же самое ты говорила, когда я предложил поехать в Испанию, – напомнил он ей. – А в результате я просидел два нескончаемых месяца в Севилье в ожидании вашего приезда, а ты только и делала, что писала мне пространные письма с вопросами о водостоке и питьевой воде, как будто я какой-нибудь городской служащий. Нет уж, если мы соберемся в Грецию, то все вместе.

– Ларри, ты преувеличиваешь, – в голосе матери зазвучали жалобные нотки. – И вообще, не могу же я вот так взять и поехать. Я должна сначала обустроить дом.

– Обустроить? Господи, ты о чем? Продай его.

– Что ты, я не могу. – Она была в шоке от его предложения.

– Это почему же?

– Я ведь его только купила.

– Вот и продай, пока он еще в нормальном состоянии.

– Дорогой, не говори глупости, – произнесла она твердо. – Исключено. Это было бы безумием.

Короче, мы продали дом и умчались подальше от тоскливого английского лета, как стая перелетных ласточек.

Путешествовали мы налегке, взяв с собой лишь самое необходимое. Когда мы на таможене открыли наши чемоданы для осмотра, их содержимое четко отражало характер и интересы каждого. Так, багаж Марго состоял из просвечивающих одеяний, трех книжек о похудании и целой батареи флакончиков с разными эликсирами для выведения прыщиков. Лесли уложил парочку глухих свитеров и брюки, в которые были завернуты два револьвера, духовой пистолет, книжка «Сам себе оружейный мастер» и подтекающая бутылка смазочного масла. Ларри взял с собой два чемодана книг и кожаный чемоданчик с одеждой. Мамин багаж был разумно поделен между носильными вещами и томами, посвященными готовке и садоводству. Я прихватил только то, что должно было мне скрасить утомительное путешествие: четыре пособия по естествознанию, сачок для бабочек, собаку и банку из-под варенья с гусеницами, грозящими вот-вот превратиться в куколок. Вот так, во всеоружии, мы покинули промозглые берега Англии.

Дождливая и печальная Франция, похожая на рождественскую открытку Швейцария, обильная, шумная и благоухающая Италия промелькнули в окне, оставив смутные воспоминания. Небольшой кораблик отчалил от итальянского каблучка в предзакатное море, и, пока мы спали в душных кабинках, в какой-то момент своего движения по лунной морской дорожке он пересек невидимую разделительную черту и вошел в яркий зазеркальный мир Греции. Видимо, эта перемена постепенно проникла в нашу кровь, потому что мы все проснулись с первыми лучами солнца и высыпали на верхнюю палубу.

Море поигрывало гладкими голубыми мускулами в предрассветной дымке, а пенный след со сверкающими пузырьками за кормой казался стелющимся хвостом белого павлина. Бледное небо на востоке, у самого горизонта, отметилось желтым пятном. Впереди по курсу из тумана выступал шоколадный мазок суши с пенной обложкой. Это был Корфу, и мы напрягли зрение, пытаясь рассмотреть горы, пики, долины, овраги и пляжи, но все ограничилось общими

очертаниями. Вдруг из-за горизонта вышло солнце, и небо заиграло голубой эмалью, как глаз сойки. На мгновение мириады четко очерченных морских завитков вспыхнули и превратились в королевский пурпур с зелеными блестками. Туман взлетел вверх легкими лентами, и нашим глазам открылся весь остров с горами, словно спящими под сморщенными коричневыми одеялами, а в складках прятались зеленые оливковые рощицы. Вдоль изгибистой береговой линии тянулись пляжи, белоснежные, как бивни слона, с рассыпанными здесь и там вкраплениями золотистых, рыжеватых и белых скал. Мы обогнули северный мыс, являвший собой гладкое ржаво-красное плечо с вырезанными в нем огромными пещерами. Темные волны, поднимая пенный кильватер, понемногу относили его в сторону пещер, и уже там, перед отверстыми зевами, он с жадным шипением распался среди скал. А потом горы постепенно сошли на нет, и взгляду предстало серебристо-зеленое переливающееся море олив и отдельно торчащие черные кипарисы, этакие назидательные указательные пальцы на голубом фоне. Вода в бухтах, на мелководье, была лазоревого цвета, и даже сквозь шум двигателей можно было слышать доносящийся с берега пронзительно-победный хор цикад.

1

Неведомый остров

Из шумной суетливой таможни мы выбрались на залитую солнцем набережную. Вокруг раскинулся город, уходящий уступами вверх, с хаотично разбросанными пестрыми домами, чьи распахнутые зеленые ставни напоминали крылья ночных бабочек – такой несметный рой. За нами лежал залив, гладкий как тарелка, отливающая нереально огненной синевой.

Ларри быстро шагал с гордо поднятой головой и такой королевской надменностью на лице, что никто не обращал внимания на его росточек, он же бдительно приглядывал за носильщиками, тащившими его чемоданы. За ним поспешал низкорослый крепыш Лесли с затаенной воинственностью в глазах, а дальше трусила Марго со своими ярдами муслина и батареей склянок с примочками. Мать, этакая тихая, забитая миссионерка среди бунтовщиков, против воли дотащила на поводке у буйного Роджера до ближайшего фонарного столба, где и стояла в прострации, пока он освобождался от избытка чувств, накопившихся за время пребывания в собачьей конуре. Ларри выбрал два изумительно ветхих конских экипажа. В один загрузили весь багаж, а во второй уселся он и недовольно оглядел нашу компанию.

– Ну? – спросил он. – И чего мы ждем?

– Мы ждем нашу мать, – объяснил Лесли. – Роджер нашел фонарный столб.

– О господи! – Ларри принял образцовую осанку и закричал: – Мама, давай уже! Неужели собака не может подождать?

– Иду, дорогой, – отозвалась мать как-то покорно и неискренне, поскольку Роджер не изъявлял никакого желания расстаться с фонарным столбом.

– От этого пса всю дорогу одни хлопоты, – сказал Ларри.

– Не будь таким нетерпеливым, – возмутилась Марго. – Это его природа... К тому же в Неаполе мы прождали *тебя* целый час.

– У меня было расстройство желудка, – холодно заметил ей Ларри.

– У него тоже может быть расстройство желудка, – торжествующе объявила Марго. – Все одним миром мазаны.

– Ты хочешь сказать, что мы одного поля ягоды.

– Не важно, что я хотела сказать. Вы друг друга стойте.

В этот момент подошла мать, несколько растрепанная, и перед нами встала задача, как поместить Роджера в экипаж. Впервые столкнувшись с таким передвижным средством, он к нему отнесся с подозрением. В конце концов нам пришлось вручную, под отчаянный лай, запихнуть его внутрь, потом, отдуваясь, забраться самим и крепко его держать. Лошадь, напуганная всей этой возней, пустилась рысью, и в какой-то момент мы все устроили на полу кучу-малу, под которой громко постанывал Роджер.

– Хорошенькое начало, – горько посетовал Ларри. – Я рассчитывал, что мы въедем, как король со свитой, и что получилось... Мы появляемся в городе, как труппа средневековых акробатов.

– Дорогой, не продолжай, – сказала мать успокоительным тоном и поправила на голове шляпу. – Скоро мы будем в гостинице.

Под стук копыт и звон колокольчиков наш экипаж въезжал в город, пока мы на сиденьях из конского волоса пытались изображать из себя королевских особ, как того требовал Ларри. Роджер, накрепко прихваченный Лесли, высовывал голову наружу и вращал глазами так, словно был на последнем издыхании. Колеса прогремели по узкой улочке, где на солнце грелись четыре нечесанные дворняги. Роджер весь поджался, смерил их взглядом и разразился утробной тирадой. Дворняги тотчас оживились и с громким лаем припустили за экипажем. О королевской осанке можно было забыть, так как теперь уже двое удерживали буйного Роджера,

а остальные, высунувшись из коляски, всю размахивали журналами и книжками, пытались прогнать увязавшуюся за нами свору. Но это их лишь еще больше распаляло, и с каждым поворотом их число только увеличивалось, так что, когда мы выехали на главную улицу, вокруг колес увивалось два с половиной десятка собак, впавших в форменную истерику.

– Кто-нибудь может сделать хоть что-то? – Ларри возвысил голос, чтобы перекрыть этот бедлам. – Это уже похоже на сцену из «Хижины дяди Тома».

– Вот бы сам и сделал, чем других критиковать, – огрызнулся Лесли, воевавший с Роджером.

Тут Ларри вскочил на ноги, вырвал кнут у остолебеневшего возницы и махнул в сторону своры, но промахнулся, да еще задел Лесли по загривку. Тот побагровел и окрысился на брата:

– Совсем, что ли?..

– Случайно, – беззаботно ответил Ларри. – Потерял практику. Давно не держал в руках кнут.

– Ну так, черт возьми, смотри внимательнее. – Лесли был настроен воинственно.

– Дорогой, успокойся, он ведь не нарочно, – вмешалась мать.

Ларри снова взмахнул кнутом и на этот раз сбил ее шляпу.

– От тебя больше неприятностей, чем от собак, – подала голос Марго.

– Поосторожнее, дорогой, – сказала мать, подхватывая шляпу. – Ты можешь кого-нибудь ранить. Ну его, этот кнут.

Но тут экипаж остановился перед входом с надписью «Швейцарский пансион». Дворняги, учуяв, что сейчас они наконец-то посчитаются с этим женоподобным черным песиком, разъезжающим в карете, обступили нас плотным, учащенно дышащим клином. Дверь гостиной открылась, оттуда вышел старый портье с бакенбардами и бесстрастно уставился на этот уличный бардак. Усмирить и перенести тяжелого Роджера в гостиницу было непростой задачей, и потребовались совместные усилия всей семьи, чтобы с ней справиться. Ларри уже забыл о королевской осанке и даже вошел во вкус. Соскочив на мостовую, он устроил небольшой танец с кнутом, расчищая дорогу от собак, по которой Лесли, Марго, мать и я пронесли вырывающегося ощеренного Роджера. Когда мы ввалились в холл, портье захлопнул за нами дверь и привалился к ней спиной, шевеля усами. Подошедший управляющий разглядывал нас настороженно и одновременно с любопытством. Мать стояла перед ним в съехавшей набок шляпе и с моей банкой с гусеницами в руке.

– Ну вот! – Она довольно улыбнулась, как если бы это был самый обычный визит. – Мы – Дарреллы. Для нас забронированы комнаты, если не ошибаюсь?

– Да, мадам. – Управляющий держался подальше от все еще рычащего Роджера. – На втором этаже... четыре комнаты и балкон.

– Очень мило, – просяла мать. – Тогда, пожалуй, мы пойдем к себе и немного отдохнем перед ланчем.

С поистине королевской грацией она повела все семейство наверх.

Позже мы спустились в просторную мрачноватую столовую с пыльными пальмами в кадках и скособоженными статуэтками. Обслуживал нас все тот же портье с бакенбардами, которому, чтобы превратиться в главного официанта, достаточно было надеть фрак и накрахмаленную манишку, поскрипывавшую, как армия сверчков. Еда была обильная и вкусная, и мы на нее набросились с голодухи. Когда подали кофе, Ларри со вздохом откинулся на спинку стула.

– Кормят сносно, – великодушно похвалил он. – Как тебе, мать, это место?

– Еда, во всяком случае, приличная. – Мать отказалась развивать эту тему.

– Обслуга вроде ничего, – продолжил Ларри. – Управляющий лично передвинул мою кровать поближе к окну.

– Лично я, когда попросил бумаги, помощи от него не дождался, – заметил Лесли.

– Бумаги? – удивилась мать. – Зачем тебе бумага?

– В туалет... она закончилась.

– Ш-ш-ш! – Мать понизила голос. – Пожалуйста, не за столом.

– Ты не обратил внимания. Рядом с унитазом там стоит полная коробочка, – объявила Марго во всеуслышание.

– Марго! – в ужасе воскликнула мать.

– А что такого? Разве ты ее не видела?

Ларри громко хмыкнул.

– Из-за некоторых проблем с городской канализацией, – пояснил он специально для сестры, – эта коробочка предназначена для... э-э... отходов, после того как ты разобралась с естественной нуждой.

Лицо у Марго сделалось пунцовым и выражало одновременно замешательство и отвращение.

– Так это... это... о боже! Я наверняка подхватила какую-нибудь заразу! – взвыла она и в слезах выбежала из столовой.

– Какая антисанитария, – посуровела мать. – Просто мерзко. Ошибиться может каждый, но действительно, так ведь и тифом недолго заразиться.

– Организуй они всё, как надо, не было бы никаких ошибок, – вернулся Лесли к ранее высказанной претензии.

– Пусть так, дорогой, но я не считаю, что это надо обсуждать сейчас. Не лучше ли как можно скорее подыскать отдельный дом, пока мы все не заразились.

В своей комнате полураздетая Марго бутылками выливала на себя дезинфицирующую жидкость, а мать битых полдня периодически проверяла, не проявились ли уже симптомы развивавшихся в ней болезней, в чем Марго даже не сомневалась. Мамино душевное равновесие поколебало то, что дорога, проходившая мимо «Швейцарского пансиона», как выяснилось, вела на местное кладбище. Пока мы сидели на балкончике, мимо нас проходила нескончаемая траурная процессия. Жители Корфу, очевидно, считали, что в оплакивании усопшего самый яркий момент – это похороны, и потому каждая следующая процессия была пышнее предыдущей. В экипажи, декорированные ярдами алого и черного крепа, были впряжены лошади, несшие на себе столько плюмажей и попон, что удивительно, как они еще могли передвигаться. Шесть или семь экипажей везли скорбящих, не сдерживавших своей глубокой печали, а за ними, на своего рода катафалке, ехал покойник в таком большом и роскошном гробу, что он скорее напоминал огромный именинный торт. Были гробы белые с пурпурными, черно-алыми и темно-синими виньетками, были сверкающие черные с изощренной золотой или серебряной отделкой и блестящими медными ручками. Это затмевало все, что я когда-либо видел. Вот, решил я, как надо покидать сей мир: с расфуфыренной конницей, горами цветов и целой свитой пораженных неподдельной скорбью родственников. Перегнувшись через балконные перила, я как зачарованный провожал глазами уплывающие гробы.

Проход очередной процессии под рыдания плакальщиц и постепенно затихающий цокот копыт лишь усиливали волнение нашей матери.

– Это эпидемия! – наконец воскликнула она, нервно поглядывая на улицу.

– Ерунда. Мать, не нагнетай, – беззаботно отмахнулся Ларри.

– Но, дорогой, их так *много*... это противоестественно.

– В смерти нет ничего противоестественного. Все люди умирают.

– Да, но если они мрут как мухи, значит что-то не так.

– Может, их собирают в одном месте, чтобы всех заодно похоронить, – предположил Лесли довольно бесчувственно.

– Не говори глупости, – сказала мать. – Наверняка это как-то связано с канализацией. В подобных решениях есть что-то нездоровое.

– О боже! – похоронным голосом воскликнула Марго. – Значит, я это точно подхватила.

– Ну что ты, дорогая, совсем даже не обязательно, – несколько туманно изрекла мать. – Может, это не заразно.

– Какая же это эпидемия, если не заразно, – логично заметил Ларри.

– Короче, – мать отказывалась втягиваться в медицинскую дискуссию, – мы должны все выяснить. Ларри, ты можешь позвонить в службу здравоохранения?

– Вряд ли здесь есть такая служба, – заметил Ларри. – А если даже есть, я сомневаюсь, что они мне скажут правду.

– Не важно, – решительно заявила мать. – Тогда мы отсюда съезжаем. Мы должны найти дом в пригороде, и безотлагательно.

Прямо с утра мы начали поиски жилья в сопровождении отельного гида мистера Билера, толстенького человечка с подобострастными глазами и гладкими от пота скулами. Он вышел из гостиницы в довольно веселом расположении духа, явно не догадываясь о том, что его ждет. Тот, кто не занимался вместе с моей матерью поисками жилья, не может себе представить всей картины. Мы мотались по острову в облаке пыли, и мистер Билер показывал нам одну виллу за другой, во всем разнообразии размеров, расцветок и условий, а мать в ответ решительно мотала головой. Когда ей была показана десятая и последняя вилла в его списке и в очередной раз последовало «нет», несчастный мистер Билер сел на ступеньки и вытер лицо носовым платком.

– Мадам Даррелл, – заговорил он после некоторого молчания, – я вам показал все, что знал, и вам ничего не подошло. Мадам, какие ваши требования? Чем вас не устроили эти виллы?

Мать с удивлением на него посмотрела.

– Вы что, не обратили внимания? – спросила она. – Ни в одной из них не было ванной комнаты.

Мистер Билер так и выпучил глаза.

– Мадам, – он чуть не взвыл от расстройства, – зачем вам ванная комната? У вас же есть море!

В гостиницу мы возвращались в гробовом молчании.

На следующее утро мать решила, что мы возьмем такси и сами отправимся на поиски. Она не сомневалась, что где-то скрывается вилла с ванной. Мы ее уверенности не разделяли, поэтому к стоянке такси на главной площади она вела несколько разгоряченную группу, занятую выяснением отношений. При виде невинных пассажиров таксисты повысыпали из своих машин и налетели на нас, как стервятники, пытаясь друг друга перекричать. Голоса становились все громче и громче, в глазах горел огонь, кто-то вцеплялся в оппонента, и все скалили зубы. А потом они взялись за нас и, кажется, готовы были растерзать. Вообще-то, это была невиннейшая из возможных свар, но мы еще не успели привыкнуть к греческому темпераменту, и складывалось впечатление, что наша жизнь в опасности.

– Ларри, сделай уже что-нибудь! – пропищала мать, не без труда вырываясь из объятий здорового таксиста.

– Скажи им, что ты пожуешься британскому консулу. – Ларри пришлось перекрикивать этот шум.

– Дорогой, не говори глупости. – У матери сбилось дыхание. – Просто скажи им, что мы ничего не понимаем.

Марго, тихо закипая, вклинилась в общую массу.

– Мы Англия, – выдала она бурно жестикулирующим таксистам. – Мы не понимать греческий.

– Если этот тип еще раз меня пихнет, он получит от меня в глаз, – буркнул Лесли, наливая кровь.

– Ну, ну, дорогой. – Мать тяжело дышала, все еще отбиваясь от водителя, который настойчиво подталкивал ее к своей машине. – Они ведь не желают нам плохого.

И тут всех заставил разом смолкнуть голос, перекрывший этот гвалт, басовитый, громоподобный глас, каким мог бы разговаривать действующий вулкан.

– Эгей! Вам не нужно такой, кто говорит на ваш язык?

Повернув головы, мы увидели старенький «додж», припарковавшийся у обочины, а за рулем – плотно сбитого коротышку с мясистыми ручищами и дубленой скалящейся физиономией, в лихо заломленной набекрень кепке. Он открыл дверцу, выпростался наружу и вразвалочку направился к нам. Потом остановился и с еще более свирепым оскалом обвел взглядом притихших таксистов.

– Они к вам приставать? – спросил он у матери.

– Нет, нет, – не слишком убедительно заверила она. – Просто нам было сложно понять, о чем они говорят.

– Вам не нужно такой, кто говорит на ваш язык, – повторил новенький. – Народ сякой-такой... извините за грубый слово... родная мама продается. Один минут, я их положу на место.

Он обрушил на водителей такой поток греческого красноречия, что буквально размазал их по асфальту. Расстроенные, злые, они махнули на все рукой, спасовав перед этим уникумом, и разбрелись по своим машинам. Проводив их последней и, судя по всему, убийственной тирадой, он снова обратился к нам.

– Куда вы ехать? – почти воинственно спросил он.

– Вы можете показать нам свободные виллы? – поинтересовался Ларри.

– Без проблема. Я вас отвезти куда угодно. Только сказать.

– Нам нужна вилла с ванной, – твердо сказала мать. – Знаете такую?

Его черные бровицы соединились в узел, характерный для мыслительного процесса, а сам он стал похож на огромную загорелую горгулью.

– Ваннаны? – переспросил он. – Вам нужна ваннаны?

– Все, что мы пока видели, было без ванной, – уточнила мать.

– Я знаю виллу, где ванны, – заверил он ее. – Но я не знаю, как большая она для вас.

– А вы не могли бы нам ее показать?

– Без проблема. Садитесь в машины.

Мы все расселись в его просторном автомобиле, он впихнул свой мощный торс в пространство за рулем и включил передачу с ревом, заставившим нас вздрогнуть. Мы неслись по кривым улочкам пригорода, петляя среди навьюченных ослов, телег, кучкующихся крестьянок, бесчисленных дворняг и оповещающая всех оглушительным клаксоном. Пользуясь моментом, наш водитель решил поддержать разговор. Обращаясь к нам, он каждый раз выворачивал свою массивную голову назад, и тогда машина начинала мотаться туда-сюда, как пьяная ласточка.

– Вы из Англия? Я так и думать... Англия не могут без ванная... Я имею ванная... Я звать Спиро, Спиро Хакиаопулос... Все меня называть Спиро Американец, потому что я жил в Америка... Да, восемь лет Чикаго... Вот почему я имею такой хороший английский... Ехать туда делать деньги... Через восемь лет сказал: «Спиро, деньги уже есть» – и я снова в Греция... привез эта машина... самая хорошая на наш остров... никто не иметь такая машина... Меня знать все английский турист... приезжать сюда и меня спрашивать... тогда их никто не обмануть... Я люблю англичане... самые такие хорошие... Если бы я не грек, я бы англичанин, видит боги.

Мы промчались по дороге, выбеленной толстым слоем шелковистой пыли, которая поднималась за нами горячими клубами, а вдоль дороги выстроились ошетилившиеся грушевые деревья, этакий забор из зеленых щитов, остроумно поддерживающих друг друга, в пестрой разметке краснощеких плодов. Мы миновали виноградники с низкорослыми лозами, прошитыми изумрудными листочками, и оливковые рощицы с дырчатыми стволами, строившими нам из своих тенистых укрытий удивленные рожицы, и сбивающийся в кучи полосатый, как

зебра, сахарный тростник, помахивающий огромными листьями, точно зелеными флагами. Наконец мы с ревом одолели холм, Спиро ударил по тормозам и остановил машину, подняв клубы пыли.

– Приехать. – Он ткнул вперед коротким толстым указательным пальцем. – Эта вилла с ванная комната, как вы просить.

Мать, всю дорогу ехавшая зажмурившись, осторожно открыла глаза и посмотрела. Спиро показывал на пологий склон, у подножия которого мерцало море. Сам холм и окрестные долины были в гагачьем пуху оливковых рощ, поблескивавших, как рыба чешуя, стоило только бризу поиграть листвой. Посередине склона, под охраной высоких стройных кипарисов, угнездилась небольшая клубнично-розовая вилла, как экзотический фрукт в оранжерее. Кипарисы тихо раскачивались на ветру, словно старательно раскрашивали и без того чистое небо в еще более яркие тона к нашему приезду.

2

Клубнично-розовая вилла

Квадратная вилла с розовощеким достоинством возвышалась в маленьком саду. Выцветшая от солнца до салатно-кремового оттенка, краска на ставнях кое-где вздулась и потрескалась. В садике, окруженном высокой изгородью из фуксий, цветочные грядки располагались в сложном геометрическом порядке, выложенные гладкими белыми камушками. Белые мощеные дорожки, не шире грабель, затейливо вились между клумб в виде звезд, полумесяца, треугольников и кругов, не больше соломенной шляпы, и все они буйно заросли одичавшими цветами. С роз облетали гладкие лепестки размером с блюдце – огненно-красные, бледно-лунные, матовые, даже не увядшие; бархатцы, как выводки косматых солнышек, поглядывали за передвижениями в небе своего родителя. Из низких зарослей анютины глазки высовывали бархатные невинные личики, а фиалки печально сникали под своими листочками в виде сердечек. Бугенвиллея, разбросавшая свои шикарные побеги с пурпурно-красными цветами-фонариками поверх балкона, казалось, была там кем-то вывешена перед карнавалом. В темной изгороди фуксий бесчисленные бутоны, чем-то напоминающие балерин, трепетно подрагивали, готовые вот-вот раскрыться. Теплый воздух был пропитан запахами увядающих цветов и тихим, умиротворяющим жужжанием насекомых. Как только мы все это увидели, нам захотелось здесь жить; вилла словно давно ждала нас. Было ощущение обретенного дома.

Спиро, так неожиданно ворвавшийся в нашу жизнь, взял полный контроль над нашими делами. Так будет лучше, объяснил он, поскольку его все знают и он никому не позволит нас обдурить.

– Вы ни о чем не беспокоиться, миссис Даррелл, – заверил он мать со своим обычным оскалом. – Оставить все мне.

Он возил нас по магазинам, где мог битый час собачиться с продавцом, чтобы в результате выбить скидку на пару драхм, то бишь один пенс. Дело не в деньгах, а в принципе, пояснял он нам. Немаловажным фактором было и то, что он, как всякий грек, обожал торговаться. Не кто иной, как Спиро, узнав, что мы не получили денежный перевод из Англии, одолжил нам нужную сумму и лично отправился в банк, где устроил разнос клерку по поводу плохой работы, а то, что бедняга тут вовсе ни при чем, его не остановило. Спиро оплатил наш счет за гостиницу и нанял машину, чтобы перевезти все наши вещи на виллу, и сам же потом отвез нас туда, набив багажник им же закупленными продуктами.

То, что он знал всех на острове и все знали его, как мы вскоре выяснили, не было простым бахвальством. Где бы он ни тормознул, сразу несколько голосов выкрикивали его имя и зазывали его присесть за столик в тени деревьев и выпить кофе. Полицейские, крестьяне и священники, когда он проезжал мимо, приветственно махали ему рукой и улыбались; рыбаки, бакалейщики и владельцы кафе принимали его как брата. «А, Спиро!» – расплывались они так, словно он был непослушным, но всеми любимым ребенком. Они уважали его за воинственную прямооту, а превыше всего их восхищало его типично греческое презрение, помноженное на бесстрашие, в отношении любых проявлений чиновничьей бюрократии. По приезде два наших чемодана с бельем конфисковали на таможне под забавным предлогом, что это товар на продажу. И когда мы переезжали на розовую виллу, мать рассказала Спиро про застрявший багаж и попросила у него совета.

– Божья мать! – прорычал он, весь красный от гнева. – Миссис Даррелл, почему вы мне не сказать раньше? Таможня – это такой бандит. Завтра я вас отвезти и устроить им такое! Они меня хорошо знают. Позвольте, я им всыпать первое число.

На следующее утро он повез мать на таможню. Мы увязались за ними, не желая пропустить этот спектакль. Спиро ворвался в помещение, как разъяренный медведь.

- Где вещи у этих людей отбирать? – спросил он у толстячка-таможенника.
- Речь об их багаже с товаром? – уточнил чиновник на приличном английском.
- Я об этом и говорить!
- Багаж здесь, – осторожно признал чиновник.
- Мы его забирать, – осклабился Спиро. – Все приготовить.

Он вышел из ангара, чтобы найти носильщика, а когда вернулся, таможенник, взяв у матери ключи, как раз открывал один из чемоданов. Спиро с гневным рыком подбежал и захлопнул крышку, при этом отдавив пальцы несчастному чиновнику.

- Ты зачем открывать, мерзавец?

Таможенник, размахивая ушибленной рукой, запротестовал: дескать, проверять содержимое – это его прямая обязанность.

– Обязанность? – переспросил Спиро с неподражаемым презрением. – Что это? Ты обязан нападать на невинные иностранцы? Считать их контрабандисты? Это твой прямая обязанность?

Секунду помедлив, Спиро сделал глубокий выдох, подхватил два здоровых чемодана и зашагал к выходу. В дверях он обернулся для добивающего выстрела.

– Я тебя, Христки, знать как облупленный, так что ты мне не говорить про свои обязанности. Я не забыть, как тебя оштрафовать на двенадцать тысяч драхмы за браконьер. Обязанности у него, ха!

Мы возвращались домой со своим багажом, целехоньким, не прошедшим досмотра, как триумфаторы.

– Эти мерзавцы считать, что они на остров хозяева, – прокомментировал Спиро, похоже даже не догадываясь, что это он так себя ведет.

Однажды взяв бразды правления в свои руки, он к нам пристал как репей. За несколько часов он из водителя превратился в нашего защитника, а уже через неделю он стал нашим гидом, мудрым советчиком и другом. Мы считали Спиро полноправным членом семьи и не предпринимали никаких действий, ничего не планировали без его участия. Он всегда был рядом, громогласный, скалящийся, устраивал наши дела, объяснял, сколько за что платить, не спускал с нас глаз и сообщал матери обо всем, что, по его мнению, ей следовало знать. Тучный, смуглый и страшный на вид ангел, он заботливо приглядывал за нами, как если бы мы были неразумными детьми. Нашу мать он откровенно боготворил и каждый раз, где бы мы ни оказались, громко пел ей осанны, чем вводил ее в крайнее смущение.

– Вы поступать осторожно, – говорил он нам, строя устрашающую физиономию. – Чтобы ваша мать не волноваться.

– Это еще зачем, Спиро? – притворно изумлялся Ларри. – Она для нас ничего хорошего не сделала. Почему мы должны о ней печься?

- Ах, господин Лорри, вы так не шутить, – расстраивался Спиро.

– А ведь он прав, – с серьезным видом поддерживал старшего брата Лесли. – Не такая уж она хорошая мать.

– Не говорить так, не говорить! – рычал Спиро. – Видит боги, если бы у меня такая мать, я бы каждое утро целовать ей ноги.

Словом, мы заняли виллу, и каждый по-своему обустроился и вписался в окружающую среду. Марго, надев откровенный купальник, загорала в оливковой роще и собирала вокруг себя горячих поклонников из местных крестьянских ребят приятной наружности, которые, как по мановению волшебной палочки, появлялись из ниоткуда, если к ней приближалась пчела или нужно было передвинуть шезлонг. Мать сочла необходимым заметить, что, по ее мнению, загорать в таком виде несколько *неблагоразумно*.

– Мать, не будь такой старомодной, – отмахнулась Марго. – В конце концов, мы умираем один только раз.

Это утверждение, столь же озадачивающее, сколь и бесспорное, заставило мать прикусить язык.

Трое здоровых крестьянских парней, обливаясь потом и отдуваясь, полчаса переносили в дом сундуки Ларри под его непосредственным руководством. Один огромный сундук пришлось втаскивать через окно. После того как все было закончено, Ларри весь день распаковывался со знанием дела, а в результате его комната, заваленная книгами, стала абсолютно недоступной. Возведя по периметру книжные бастионы, он засел за пишущую машинку и выходил из комнаты с отсутствующим видом, только чтобы поесть. На второй день, рано утром, он выскочил в сильном раздражении по причине того, что крестьянин привязал осла к нашей живой изгороди и животное с завидным постоянством открывало пасть, издавая долгий тоскливый рев.

– Не смешно ли, спрашиваю я вас, что будущие поколения лишатся моих трудов только потому, что какой-то идиот с мозолистыми руками привязал эту вонючую зверюгу под моим окном?

– Дорогой, – отреагировала мать, – если он так мешает, почему бы тебе не отвести его подальше?

– Дорогая мать, у меня нет времени на то, чтобы гоняться за ослами по оливковым рощам. Я швырнул в него брошюру по теософии – тебе этого мало?

– Бедняжка привязан. Как он может сам освободиться? – сказала Марго.

– Должен быть закон, запрещающий привязывать этих мерзких тварей возле чужих домов. Кто-нибудь из вас уведет его, наконец?

– С какой стати? – удивился Лесли. – Нам же он не мешает.

– Вот в чем проблема этой семьи, – посетовал Ларри. – Никаких взаимных услуг, никакой заботы о ближнем.

– Можно подумать, ты о ком-то заботишься, – заметила Марго.

– Твоя вина, – сурово бросил Ларри матери. – Это ты нас воспитала такими эгоистами.

– Нет, как вам это нравится! – воскликнула мать. – Я их так воспитала!

– Кто-то же должен был приложить руку, чтобы сделать из нас законченных эгоистов.

Кончилось тем, что мы с матерью отвязали ослика и отвели его ниже по склону.

А тем временем Лесли распаковал свои револьверы и заставил нас всех вздрагивать, устроив бесконечную пальбу из окна по старой жестянке. После столь оглушительного утра Ларри выскочил из комнаты со словами, что невозможно работать, когда дом содрогается до основания каждые пять минут. Лесли, обидевшись, возразил, что ему необходима практика. Это больше похоже не на практику, а на восстание сипаев, окоротил его Ларри. Мать, чья нервная система тоже пострадала от этого буханья, посоветовала Лесли попрактиковаться с незаряженным револьвером. Тот долго объяснял, почему это невозможно. Но в конце концов с неохотой отнес жестянку подальше от дома; теперь выстрелы звучали приглушеннее, но не менее неожиданно.

Бдительное око матери не выпускало нас из виду, а в свободное время она обживалась на свой лад. Дом благоухал травами и острыми запахами лука и чеснока, кухня заиграла разными горшками и горшочками, среди которых она сновала в съехавших набок очках, бормоча что-то себе под нос. На столике лежала шаткая стопка поваренных книг, в которые она временами заглядывала. Освободившись от кухонных обязанностей, она со счастливым видом перебиралась в сад, где с энтузиазмом полола и сажала и с меньшей охотой стригла и подрезала.

Для меня сад представлял существенный интерес, и мы с Роджером сделали для себя кое-какие открытия. Например, Роджер узнал, что обнюхивать шершня себе дороже, что достаточно из-за ворот посмотреть на местную собаку, как она с визгом убегает, и что курица, выскочившая из-за живой изгороди и тут же с диким кудахтаньем пустившаяся наутек, является добычей не менее желанной, чем незаконной.

Этот сад при кукольном домике был поистине страной чудес, цветочным раем, где разгуливали доселе мне неведомые существа. Среди толстых шелковистых лепестков цветущей розы уживались крошечные крабоподобные паучки, которые бочком отбегали, стоило только их потревожить. Их прозрачные тельца своим окрасом сливались со средой обитания: розовый, слоновая кость, кроваво-красный, маслянистый желтый. По стеблю, инкрустированному зелеными мошками, сновали божьи коровки, как свежераскрашенные заводные игрушки: бледно-розовые в черных пятнах, ярко-красные в бурых пятнах, оранжевые в черно-серых крапинках. Округлые и симпатичные, они охотились на бледно-зеленых тлей, коих было великое множество. Пчелы-плотники, похожие на мохнатых медвежат цвета электрик, выписывали среди цветов зигзаги с деловито-сытым гудением. Хоботник обыкновенный, весь такой гладенький и изящный, носился над тропками туда-сюда, с суетливой озабоченностью, изредка зависая и мельтеша до серой размытости своими крылышками, чтобы вдруг зарыться длинным тоненьким хоботком в цветок. Среди белых булыжников большие черные муравьи, сбившись в стаю, суетились и жестикулировали вокруг неожиданных трофеев: мертвой гусеницы, лепестка розы или высохшей травинки, усеянной семенами. В качестве аккомпанемента ко всей этой деятельности из оливковой рощи позади живой изгороди из фуксий доносилось неумолчное многоголосие цикад. Если бы жаркое дневное марево умело издавать звуки, они были бы похожи как раз на странные, сродни перезвону колокольчиков, голоса этих насекомых.

Поначалу я был так ошеломлен избытком жизни у нас под носом, что я ходил по саду как в тумане, замечая то одно существо, то другое и постоянно отвлекаясь на бесподобных бабочек, перелетавших через живую изгородь. Со временем, когда я по привычке к насекомым, снующим среди тычинок и пестиков, я научился сосредотачиваться на деталях. Я часами сидел на корточках или лежал на животе, подсматривая за частной жизнью крошечных существ, а рядом с покорным видом сидел Роджер. Так я для себя открыл кучу интересного.

Я узнал, что крабовидный паучок способен менять расцветку не хуже хамелеона. Пересадите такого паучка с ярко-красной розы, где он казался коралловой бусинкой, на белоснежную розу. Если он пожелает там остаться – что чаще всего и происходит, – то постепенно он начнет бледнеть, словно эта перемена вызвала у него анемию, и через пару дней вы увидите белую жемчужинку среди таких же лепестков.

Я обнаружил, что под живой изгородью, в сухой листве, живет совсем другой паук – заядлый маленький охотник, в хитрости и жестокости не уступающий тигру. Он обходил свои владения, поблескивая зрачками на солнце, то и дело останавливаясь, чтобы приподняться на мохнатых лапках и осмотреться. Углядев муху, решившую позагорать, он на миг застывал, а затем со скоростью, сравнимой разве что с ростом зеленого листочка, начинал к ней подбираться, практически незаметно, но все ближе и ближе, иногда беря паузу, дабы проклясть на очередном сухом листе шелковистую дорогу жизни. Подобравшись достаточно близко, охотник застывал, тихо потирая лапки, как покупатель при виде хорошего товара, и вдруг, совершив прыжок, заключал в мохнатые объятия замечтавшуюся жертву. Если такой паучок успевал занять боевую позицию, не было случая, чтобы он остался без добычи.

От всех этих открытий меня распирала радость, которой я должен был поделиться, поэтому я врвался в дом и огорошивал семью известием, что странные извивающиеся черные гусеницы на розах на самом деле никакие не гусеницы, а детеныши божьих коровок, или не менее ошеломляющей новостью, что мухи-златоглазки откладывают яйца на ходулях. Последнее чудо мне посчастливилось наблюдать воочию. Златоглазка ползала по листьям розы в восхищении от собственных тонких и прекрасных крылышек, играющих на солнце, как зеленые стеклышки, и огромных глаз, словно из жидкого золота. И вот она остановилась и опустила заостренный низ брюшка. Немного так постояв, она задрала хвостик, и из-под него, к моему изумлению, вылезла тонкая нить, похожая на белесый волос. А затем на его конце появилось яйцо. Самочка отдохнула, чтобы снова повторить это шоу, и в результате поверхность розового

листа выглядела так, будто на нем вырос целый лес крошечных плаунов. Отложив яйца, она слегка поиграла антеннами и улетела, нарисовав в воздухе своими прозрачными крылышками этакое зеленое марево.

Но, пожалуй, самое замечательное открытие, сделанное мной в этом пестром мире лилипутов, куда я получил доступ, было связано с гнездом уховертки. Я давно мечтал его найти, но мои поиски долго не увенчивались успехом. Поэтому, когда я на него наткнулся, радость моя была чрезвычайной, как если бы я неожиданно получил чудесный подарок. Отколупнув кусок коры, я обнаружил инкубатор, ямку в земле, явно вырытую самим насекомым. Уховертка угнездилась в этой ямке, прикрывая несколько белых яичек. Она сидела на них, как курица на яйцах, и даже не пошевелилась, когда в нее ударил поток света. Сосчитать все яички я не мог, но, сдаётся мне, их там было немного, из чего я заключил, что она еще на завершила кладку. Я аккуратно заложил отверстие корой.

С этого момента я ревниво охранял гнездо. Вокруг него я построил каменный бастион, а в качестве дополнительной меры безопасности написал красными чернилами предупреждение и закрепил его на шесте в непосредственной близости: «АСТАРОЖНО – ГНЕЗДО УХОВЕРТКИ – ХАДИТЕ ПАТИШЕ». Забавно, что без ошибок я написал только два слова, имеющие отношение к биологии. Примерно раз в час я устраивал уховертке десятиминутную проверку. Не чаще – из страха, что она может сбежать из гнезда. Количество отложенных яичек постепенно увеличивалось, а самка, кажется, привыкла к тому, что у нее над головой периодически снимают крышу. Из того, как она дружески поводила туда-сюда своими антеннами, я даже заключил, что она меня уже узнает.

К моему горькому разочарованию, несмотря на все мои усилия и постоянное дежурство, детки вылупились ночью. После всего, что я для нее сделал, могла бы отложить это дело до утра, чтобы я стал свидетелем. Словом, передо мной был выводок крошечных, хрупких на вид уховерток, словно вырезанных из слоновой кости. Они осторожно телепались у матери между ног, а более предприимчивые даже залезали на ее клешни. Это зрелище согревало сердце. Но уже на следующий день гнездо опустело – моя чудесная семейка разбежалась по саду. Позже мне попался на глаза один из того выводка; конечно, он успел подрасти, окреп и покоричневел, но я его сразу узнал. Он спал, свернувшись в чаше из лепестков розы, и, когда я его потревожил, он недовольно задрал свои задние клешни. Приятно было бы думать, что это он так салютует, радостно меня приветствует, но, оставаясь честным перед собой, я вынужден был признать, что это не что иное, как предупреждение потенциальному врагу. Впрочем, я его простил. В конце концов, он был еще совсем крохой.

Я познакомился с дородными крестьянскими девушками, которые два раза в день, утром и вечером, проезжали мимо нашего сада, сидя бочком на понурах, с висящими ушами осликах. Голосистые и пестрые, как попугаи, они болтали и хохотали, труся под оливковыми деревьями. По утрам они приветствовали меня с улыбкой, а по вечерам перегибались через живую изгородь, осторожно балансируя на спине своего осла, и с той же улыбкой протягивали мне дары – гроздь еще теплого от солнца янтарного винограда, черные, как смола, финики с проглядывавшей здесь и там розоватой мякотью или гигантский арбуз, внутри похожий на розовеющий лед. Со временем я научился их понимать. То, что вначале казалось полной абракадаброй, превратилось в набор узнаваемых звуков. В какой-то момент они вдруг обрели смысл, и постепенно, с запинками, я стал сам произносить отдельные слова, а потом начал их связывать в грамматически неправильные и сбивчивые предложения. Наши соседи приходили от этого в восторг, как будто я не просто учил их язык, а раздавал им изящные комплименты. Перегибаясь через изгородь, они напрягали слух, пока я рожал приветствие или простейшее замечание, и после успешного завершения они расплывались от удовольствия, одобрительно кивали и даже хлопали в ладоши. Мало-помалу я выучил их имена и родственные связи, усвоил, кто из них замужние, а кто об этом только мечтает, и прочие подробности. Я узнал, где в окрестных

рощах находятся их домики, и, если мы с Роджером проходили мимо, нам навстречу высыпала вся семья с радостными восклицаниями, и мне выносили стул, чтобы я посидел под виноградной лозой и поел с ними вместе какие-нибудь фрукты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.